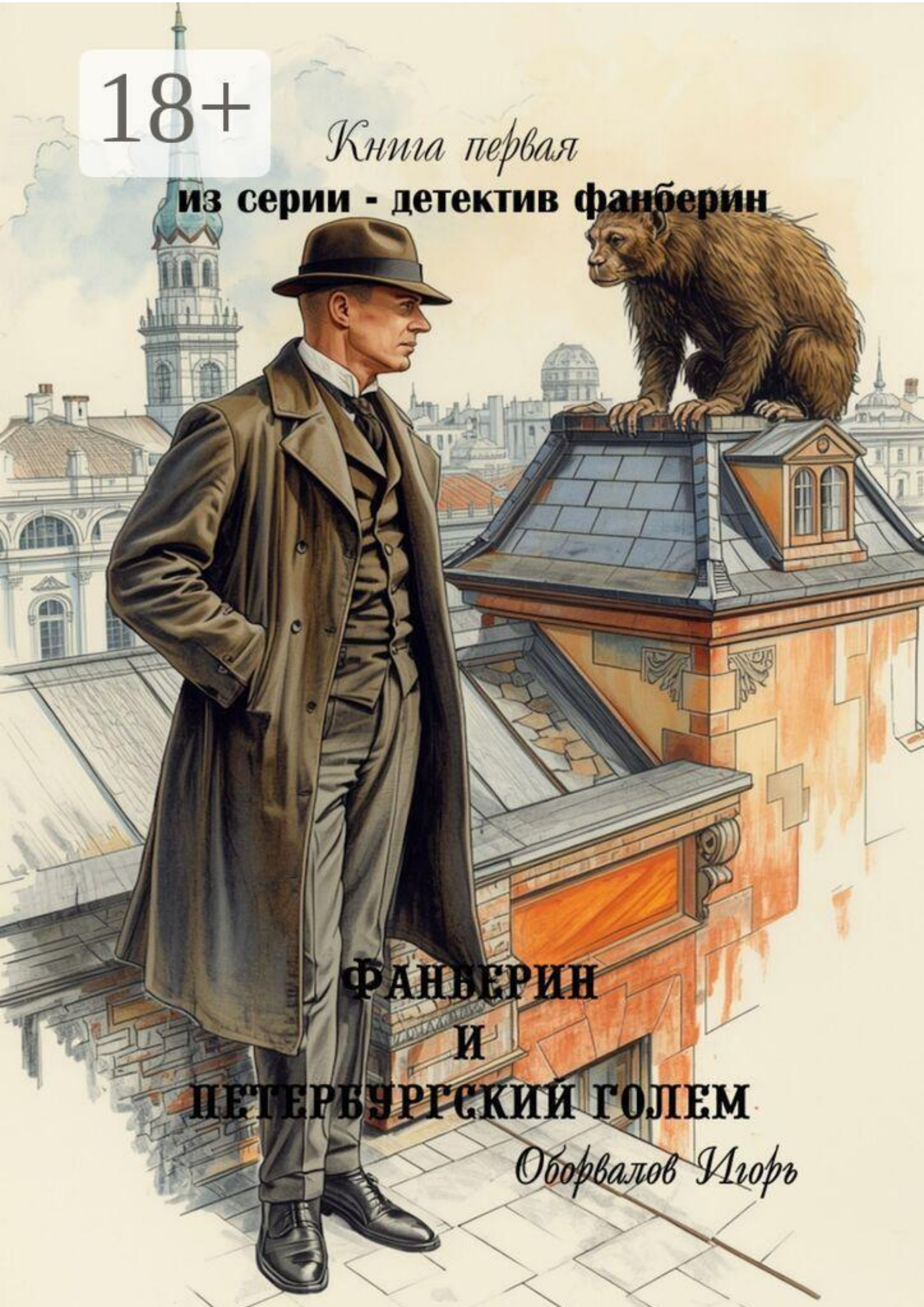

18+

Книга первая
из серии - детектив фанберин

**ФАНБЕРИН
И
ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОЛЕМ**

Оборвалов Игорь

Игорь Оборвалов

**Фанберин и Петербургский
Голем. Книга первая
из серии — детектив Фанберин**

«Издательские решения»

Оборвалов И. В.

Фанберин и Петербургский Голем. Книга первая из серии — детектив Фанберин / И. В. Оборвалов — «Издательские решения»,

Петербург, 1882 год. Фанберин получает письмо от обречённого чиновника: в городе появляется неуязвимый убийца, проходящий сквозь стены. Расследование приводит сыщика к барону фон Штаубу — безумному гению, заменившему себя механизмами. Глиняные големы, восковые двойники и месть, застывшая в шестерёнках. Фанберину предстоит война не с призраками, а с машиной, возмнившей себя Богом. И ставки в этой войне — его жизнь, любовь и сама реальность.

Содержание

Фанберин и Петербургский Голем	6
Часть первая. Труп на Адмиралтейской	7
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Фанберин и Петербургский Голем
Книга первая из серии
— детектив Фанберин

Игорь Владимирович Оборвалов

© Игорь Владимирович Оборвалов, 2026

ISBN 978-5-0070-9982-0 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-9987-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фанберин и Петербургский Голем

Книга первая

Часть первая. Труп на Адмиралтейской

Глава 1

Июнь 1882 года выдался на редкость скверный. Не в смысле дождей — дожди в Петербурге случаются всегда, и к ним привыкаешь как к неизбежному злу вроде квартального надзирателя или утренней очереди за хлебом. Скверным был сам воздух: липкий, сырой, пахнувший Невой и той особенной гнильцой, которая появляется, когда болото, на котором стоит город, внезапно решает напомнить о себе.

Фёдор Иванович Фанберин стоял у окна своей квартиры на Малой Морской и смотрел на мокрую брусчатку. Ему было двадцать шесть лет. Он уже пережил войну, потерю близких и то особенное разочарование, которое приходит, когда понимаешь: мир не станет лучше только потому, что ты носишь мундир и честно делаешь свою работу.

На столе лежало письмо.

Конверт был из плотной серой бумаги, без герба, без обратного адреса. Почерк — нарочито ровный, будто писавший боялся, что его узнают. Внутри — один листок и старая, выцветшая фотография.

Фанберин перечитал письмо в четвёртый раз:

«Милостивый государь.

Если вы получили это письмо — значит, я уже мёртв. Убьют меня ровно в полночь 15 июня. Место — Николаевский мост. Убийца — человек, которого не существует. Прошу вас: найдите его. Он убьёт ещё. И не спрашивайте, откуда я знаю. Спросите лучше, почему я не могу назвать его имя.

Ваш покорный слуга,
бывший чиновник особых поручений
при обер-полицмейстере
П. С. Обнорский».

Фотография изображала группу людей в форменных сюртуках. Посередине — дородный мужчина с бакенбардами, в котором без труда угадывался сам обер-полицмейстер. Обнорский стоял с краю: молодой, с живыми глазами, с лёгкой усмешкой, как у человека, который ещё не понял, что шутки кончились.

Дата на обороте: 1877 год.

Сегодня было 14 июня.

Фанберин вздохнул. Он не верил в предсказания. Он вообще ни во что не верил, кроме фактов, логики и табака «Жуков», который сейчас докуривал в длинном мундштуке из чёрного дерева. Но был один нюанс: Пётр Семёнович Обнорский действительно служил при обер-полицмейстере. И Фанберин о нём слышал — как о человеке, который вышел в отставку два года назад после нервной горячки. Ходили слухи, что он сошёл с ума. Теперь эти слухи получали странное подтверждение.

— Маса, — позвал Фанберин, не оборачиваясь.

Из соседней комнаты бесшумно вышел японец в чёрном кимоно. Маса был невысок, коренаст, с лицом, которое казалось вырезанным из старой кости. Он служил у Фанберина камердинером, телохранителем и — реже — совестью.

— Господин?

— Сегодня ночью мы идём на Николаевский мост. Возьми револьвер.

Маса молча кивнул. Он никогда не спрашивал «зачем». За три года службы у Фанберина он усвоил: если господин говорит «идём», значит, идти действительно надо.

Ночь была петербургская — то есть ни черта не видно, сыро и ветрено. Фонари горели тускло, и их свет тонул в тумане, который поднимался от Невы. Николаевский мост тянулся вперёд чугунной лентой, и на середине его, у перил, стояла одинокая фигура.

Фанберин узнал пальто и шляпу с фотографии. Обнорский был жив. Пока жив.

— Господин Обнорский? — окликнул Фанберин, ускоряя шаг.

Фигура не обернулась. Фанберин подошёл ближе — и замер.

Лицо Обнорского было белым, как мрамор. Глаза открыты, но смотрят не на Фанберина, а сквозь него, куда-то в темноту за спиной. Губы шевелятся, но звука нет — только хрип, будто воздух проходит через сломанную гармонику.

— Он уже здесь, — прошептал Обнорский. — Вы не видите? Он всегда здесь.

Фанберин быстро огляделся. Никого. Только Маса, замерший в трёх шагах с рукой на эфесе короткого меча.

— Кто «он»?

— Голем, — выдохнул Обнорский и улыбнулся — той улыбкой, которая бывает у людей, переставших бояться, потому что знают: хуже уже не будет. — Из глины и праха. Из старой крови. Вы думаете, я сошёл с ума? Может быть. Но безумие не делает его менее реальным.

Он шагнул к перилам. Маса рванулся вперёд, но Обнорский уже перевалился через чугунный край. Маса успел схватить его за штанину и пытался вытащить. Подбежал Фанберин и стал помогать, но Обнорский не хотел быть спасённым — вырвался и упал, легко, без крика, как падает тряпичная кукла.

Вода приняла его без всплеска. Только круги разошлись по чёрной глади, и тут же сомкнулись.

— Чёрт, — выдохнул Фанберин.

Маса уже бежал к лестнице, ведущей к воде. Но Фанберин знал: бесполезно. Невское течение быстрое, а вода — ледяная даже в июне. Обнорский мёртв. Предсказание сбылось.

В заднем кармане Обнорского (Фанберин успел обыскать его, пока Маса держал за штанину) нашел запечатанный конверт. На нём было написано: «Вскрыть после моей смерти. Ф. И. Фанберину лично».

Внутри — дневник. Сто двадцать страниц убористого почерка, начинающегося аккуратно и заканчивающегося судорогой, когда буквы превращаются в паучьи лапки.

Первая запись:

«14 мая 1882 года. Сегодня я видел его в третий раз. Он прошёл сквозь стену моего кабинета. Я выстрелил — пуля прошла насквозь. Потом я понял: его нельзя убить, потому что он уже мёртв. Вопрос только в том, кто его создал и зачем».

В полиции смерть Обнорского назвали самоубийством на почве умопомешательства. Дело закрыли в тот же день, даже не дождавшись вскрытия.

Фанберин не мог так оставить. Не потому, что ему было жаль Обнорского — они не были знакомы. А потому, что дневник содержал имена. Восемь имён. И под каждым — дата смерти.

Под первым: «П. С. Обнорский — 15 июня».

Под вторым: «К. А. Веселовский — 22 июня».

Веселовский был жив. Он служил столоначальником в Департаменте полиции и, по слухам, тоже недавно ушёл в отставку — после того, как нашёл у себя в кабинете странную фигурку из серой глины, похожую на человека.

Фанберин отложил дневник и посмотрел на календарь.

21 июня.

Остался один день.

Глава 2

Кирилл Аркадьевич Веселовский жил на Васильевском острове, в доме, который петербургские старожилы называли «домом с химерами». Правда, химеры там были самые обычные — гипсовые львы на воротах, облезлые и грустные. Но в этом году в подъезде поселился запах: сладковатый, тяжёлый, похожий на запах прелых цветов и сырой глины.

Фанберин заметил его сразу, как только переступил порог.

— Маса, — тихо сказал он, — чем пахнет?

Японец приняхался. Лицо его, обычно бесстрастное, дрогнуло.

— Господин, так пахнет в склепах. В моей стране. Там, где земля влажная и мёртвые не хотят оставаться под землёй.

Лестница была тёмной. На площадке третьего этажа горела одна-единственная свеча в железном подсвечнике, и её пламя колебалось без всякого ветра.

Дверь квартиры Веселовского оказалась не заперта.

Фанберин постучал. Никто не ответил. Он толкнул дверь — и она открылась с протяжным скрипом, каким скрипят гробы, когда их откупоривают на третий день после похорон.

Внутри было темно. И тихо. И пахло глиной так сильно, что першило в горле.

— Кирилл Аркадьевич? — позвал Фанберин.

Из глубины комнаты донёсся звук — не то стон, не то скрежет. Фанберин чиркнул спичкой. Свет выхватил из тьмы письменный стол, разбросанные бумаги, пустой стакан... и фигуру, стоящую у окна.

Это был человек. Вернее, когда-то был человеком. Теперь он стоял, прижавшись лбом к стеклу, и его руки — неестественно вывернутые, как у куклы, которой сломали суставы — висели вдоль тела. Одежда на нём была измята, будто он не раздевался несколько недель. Лицо... Фанберин не успел разглядеть лицо, потому что спичка догорела и погасла.

— Кирилл Аркадьевич, я коллежский асессор Фанберин. Мне нужно с вами поговорить.

Молчание. Потом тот же скрежет — но на этот раз Фанберин понял, что это смех. Смех человека, у которого пересохло в горле и потрескались губы.

— Вы пришли, — прошептал Веселовский. — А я думал, вы не успеете. Сегодня ночью он придёт за мной. Вы знаете, кто он?

— Голем? — осторожно спросил Фанберин.

Веселовский резко обернулся. Фанберин успел зажечь ещё одну спичку — и на этот раз свет упал прямо на лицо.

Это было лицо человека, который видел то, что не должен был видеть. Глаза — безумные, но не пустые, а наполненные каким-то страшным знанием. Под глазами — синие круги, как у покойника. Губы шевелятся беззвучно.

— Голем, — повторил Веселовский. — Да. Из глины. Из той глины, которую месили в подвалах Крестовского острова. Вы знаете, кто его сделал? Я знаю. Я всё знаю. И поэтому я умру. Но вы... вы можете его остановить. Только не стреляйте. Пули не берут.

Он сунул руку за пазуху и вытащил маленькую фигурку — действительно, из серой глины, грубо вылепленную, с глазами-бусинами из чёрного стекла.

— Он оставляет их. После каждого убийства. Как визитную карточку.

Фанберин взял фигурку. Она была тёплой. Не от тепла рук — тёплой сама по себе, как живая.

— Кто следующий? — спросил он. — После вас.

Веселовский назвал имя. И кровь отлила от лица Фанберина, потому что это имя он знал очень хорошо.

— Генерал-лейтенант Михаил Дмитриевич Соболев. Но это не всё. Голем не убивает сам. Он только орудие. Настоящий убийца — тот, кто его создал. И он будет убивать, пока не останется никого из списка.

— А что за список?

Веселовский открыл рот, чтобы ответить — и вдруг замер. Глаза его расширились. Он смотрел не на Фанберина, а куда-то за его спину, в угол комнаты.

— Он здесь, — прошептал Веселовский. — Он уже здесь.

Фанберин обернулся. В углу никого не было. Только тень от шкафа, похожая на человеческую фигуру.

Когда он повернулся обратно, Веселовский лежал на полу. Мёртвый. Глаза открыты, рот приоткрыт, но на шее — странные отметины: серые, глинистые следы, будто кто-то сжал его горло пальцами, вылепленными из сырой земли.

Маса, всё это время стоявший у двери, сделал шаг вперёд и тихо сказал:

— Господин. Я ничего не видел. Никто не входил. Никто не выходил. Но он мёртв.

Фанберин медленно выпрямился, вытер пальцы о платок и произнёс фразу, которая позже станет легендарной в анналах сыскной полиции:

— Значит, или я сошёл с ума, или мы имеем дело с убийцей, который умеет проходить сквозь стены. И то и другое одинаково скверно. Но во втором случае его можно поймать. В первом — нет. Поэтому я выбираю второе.

Он подошёл к окну. За окном, в сером петербургском небе, занимался рассвет. Но света было так мало, что казалось — наступает не утро, а ещё более глубокая ночь.

— Маса, — сказал Фанберин, — заварите чай. Покрепче. Нам предстоит долгая беседа с генералом Соболевым. Если, конечно, он ещё жив.

Глава 3

Генерал-лейтенант Михаил Дмитриевич Соболев обитал в доме на Фонтанке, неподалёку от Юсуповского сада. Фанберин бывал здесь однажды — по делу о краже семейного серебра, которое, как выяснилось, стащил собственный камердинер генерала, проигравшийся в картишки. Тогда Соболев показался ему человеком железной выдержки: даже узнав о предательстве, он лишь поморщился, как от зубной боли, и сказал: «Бог с ним, с серебром. Жалко человека — талант был, воровать умел».

Сейчас, два года спустя, Фанберин шёл по той же лестнице — широкой, с мраморными ступенями, стёртыми миллионами шагов — и чувствовал, как поднимается откуда-то из живота холодное, липкое беспокойство. Такое бывало перед боем. Перед настоящим, когда пули свистят над ухом и непонятно, успеешь ли увернуться.

— Маса, — сказал он, останавливаясь перед генеральской дверью, — вы будете стоять в коридоре. Если услышите выстрел — входите не раздумывая. Если не услышите ничего в течение десяти минут — входите тем более.

— Господин боится? — спросил Маса с той прямой простотой, которая у японцев заменяет вежливость.

— Боюсь, — честно признался Фанберин. — Я всегда боюсь, когда не понимаю, с кем имею дело. С живым человеком я знаю, как говорить. С мёртвым — тоже, в некотором смысле. Но с тем, кто одновременно жив и мёртв, кто оставляет следы из глины и проходит сквозь стены... с таким я говорить не умею.

— Господин умеет всё, — серьёзно сказал Маса. — Просто иногда забывает об этом.

Фанберин усмехнулся — в который раз поражаясь, как этот человек, выросший в стране, где самураи резали животы при малейшей обиде, умудряется сохранять детскую веру в своего хозяина. Потом постучал.

Дверь открыл лакей — старик с трясущейся головой и мутными глазами, которые, однако, сразу же, как только он увидел мундир Фанберина, обрели осмысленность.

— Их превосходительство вас ждут, — прошамкал лакей. — Велели проводить сразу, без доклада. Только предупредили: генерал нынче не в духе.

— А когда он в духе? — поинтересовался Фанберин.

Лакей подумал. Потом вздохнул с такой глубокой безнадежностью, какая бывает только у людей, прослуживших у одного барина сорок лет:

— Никогда, ваше благородие. С тех пор как в семьдесят седьмом из Болгарии вернулись — никогда.

Кабинет Соболева находился в глубине квартиры, за двумя дверями: сначала гостиная с портретами предков (все как на подбор — усатые, с орденами и одинаковым выражением: «Я тебя породил, я тебя и убью»), потом маленькая прихожая, где на вешалке висела старая шинель, пахнувшая порохом и конским потом, и наконец — дверь дубовая, окованная железом, как в тюремной камере.

Фанберин постучал.

— Войдите, — раздался голос. Низкий, хриплый, с той металлической ноткой, которая появляется у людей, привыкших отдавать приказы под свист пуль.

Генерал-лейтенант Михаил Дмитриевич Соболев сидел за столом. Ему было пятьдесят семь лет, но выглядел он на все семьдесят: седые, жёсткие, как проволока, волосы; глубокие морщины на лбу — не возрастные, а какие-то рубленые, будто их провели саблей; глаза — серые, ледяные, с красными прожилками. На столе перед ним лежал револьвер системы Смита-Вессона. Не в кобуре, не в ящике — просто лежал, заряженный, взведённый, готовый к выстрелу.

— Садитесь, — сказал генерал, не поднимая головы. Он читал какую-то бумагу — вернее, не читал, а смотрел в неё, не видя. — Я знаю, зачем вы пришли. Веселовский мёртв. Я получил телеграмму сегодня утром. И вы хотите спросить меня, кто следующий.

Фанберин сел в кресло — жёсткое, с прямой спинкой, очевидно, поставленное специально, чтобы посетители не расслаблялись. Генерал не любил, когда расслабляются.

— Не только, ваше превосходительство. Я хочу спросить, откуда вы знаете, что Веселовский мёртв.

Соболев наконец поднял голову. Глаза его сузились — не в гневе, а в любопытстве, как у старого волка, который вдруг понял, что перед ним не овца, а другой волк.

— Я знал о смерти Веселовского потому, что видел его убийцу. Сегодня ночью. Он приходил ко мне.

В комнате стало тихо. Настолько тихо, что Фанберин услышал, как за окном капает вода с карниза — мерно, как метроном.

— Приходил? — переспросил Фанберин. — И что же, ваше превосходительство, вы стреляли? — Он кивнул на револьвер.

— Стрелял. Три раза. С десяти шагов. Попал во все три. Он даже не пошатнулся. Пули прошли насквозь, как сквозь туман. Потом он ушёл — сквозь стену. Оставил вот это.

Генерал выдвинул ящик стола и выложил на сукно маленькую глиняную фигурку. Точно такую же, как Фанберин нашёл у Веселовского. Те же чёрные глаза-бусины, та же серая, странно тёплая на ощупь глина.

— Я старый солдат, — продолжал Соболев, и в голосе его впервые прозвучало нечто, похожее на усталость. — Я воевал на Кавказе, в Средней Азии, на Балканах. Я видел, как люди умирают от пуль, от штыков, от холода, от тифа. Я думал, меня уже ничем не удивить. Но глиняного человека, который проходит сквозь стены, я вижу впервые. И должен признаться, Фанберин: он меня напугал. Не за себя. За тех, кто остался в списке.

— Что за список? — спросил Фанберин. Он достал из кармана дневник Обнорского, раскрыл на странице с именами. — Здесь восемь фамилий. Обнорский — первый. Веселовский — второй. Вы — третий. Кто остальные?

Соболев долго молчал. Смотрел на список, и лицо его медленно менялось: уходила жёсткость, появлялось что-то другое — боль, вина — что-то, чего Фанберин никак не ожидал увидеть на лице старого боевого генерала.

— Вы знаете, что такое Болгария, коллежский асессор? — спросил он наконец.

— Государство на Балканах, ваше превосходительство. Бывшая турецкая провинция. В семьдесят седьмом году Россия воевала с Турцией за её освобождение.

— За освобождение, — усмехнулся Соболев. Горько, с таким привкусом, будто он разжевал хину. — Хорошее слово. Освобождение. А знаете, сколько русских солдат погибло под Плевной? Тридцать тысяч. Тридцать тысяч мальчишек, которые шли в атаку на турецкие редуты, потому что какой-то генерал решил, что их смерть — это красиво. Я был там. Я командовал бригадой. И я отдал приказ, который убил не тридцать тысяч, а всего восьмерых. Но этих восьмерых я помню лучше, чем всех остальных.

Он встал, подошёл к карте на стене — большой, пожелтевшей, с пометками красным карандашом. Карта Болгарии. Горы, реки, дороги. И одна точка, обведённая жирным кругом.

— Село Мраморница. Сто сорок домов, две улицы, церковь и старый турецкий форт на холме. В октябре семьдесят седьмого турки укрепились там, перерезали дорогу на Софию. Мне приказали взять форт любой ценой. Лобовая атака стоила бы тысячи жизней. Я выбрал другой путь.

Он повернулся к Фанберину, и в глазах его загорелось что-то — не огонь, а ледяное пламя, какое бывает у людей, которые однажды переступили черту и знают об этом.

— Я отправил восьмерых добровольцев в обход. Через болота, через горы, по таким тропам, где даже козы не ходят. Они должны были зайти туркам в тыл, взорвать пороховой склад и открыть ворота. Задание было почти невыполнимым. Но они выполнили. Потому что это были не просто солдаты. Это были мои офицеры. Лучшие, каких я знал. Обнорский — начальник разведки, умнейший человек, знал пять языков. Веселовский — сапёр, мог взорвать что угодно чем угодно. Генерал-майор Шипов — танцевал на балах лучше любого кавалергарда и стрелял с двухсот шагов без промаха. Полковник Львов — человек-стена, его пули не брали. Подполковник Голицын — аристократ до мозга костей, но в бою — зверь. Капитан Тучков — поэт, писал стихи под шрапнелью. И ещё двое...

Голос генерала дрогнул. В первый раз за весь разговор.

— И ещё двое, чьих имён нет в списке. Потому что они не умерли. Они исчезли. Мы нашли форт пустым. Турецкий гарнизон ушёл, пороховой склад был взорван, но моих офицеров там не было. Ни живых, ни мёртвых. Как сквозь землю провалились. Тучков умер год назад — тогда мы думали, от сердечного приступа. Теперь я понимаю: это было убийство. Первое.

Фанберин ждал. Он уже начинал понимать, куда клонит генерал, но ему нужно было услышать это своими ушами.

— Через три дня, — продолжал Соболев, — я получил пакет. В нём были восемь глиняных фигурок. Таких же, как эта. И записка на турецком: «Ваши офицеры стали землёй. Скоро они вернутся к вам. Но уже не людьми». Я приказал расследовать. Ничего не нашли. Дело закрыли за отсутствием состава преступления. А через год начали умирать те, кто знал правду.

— Какую правду? — спросил Фанберин.

Соболев посмотрел ему прямо в глаза. И сказал тихо, почти шёпотом:

— Правду о том, что в форте не было турок. Там был один человек. Русский. Инженер, который построил эти укрепления. И который умел делать такое, что не снилось никаким чернокнижникам. Он не умер. Он ждал пять лет. И теперь он вернулся, чтобы забрать нас всех.

— Его имя? — спросил Фанберин.

— Его имени нет ни в одном документе, — ответил Соболев. — Он вычеркнут из всех списков. Он мёртв для империи. Но для нас — он жив. И зовут его... — Генерал запнулся, будто имя обжигало язык. — ...барон фон Штауб. Его называли «Глиняный барон». Он был гением. И безумцем. Он построил подземный город под Плевной, он создал механизмы, которые двигались без пара и электричества. И он поклялся уничтожить тех, кто разрушил его детище.

Фанберин медленно встал. В голове у него складывалась картина — страшная, абсурдная, но единственно возможная. Если отбросить мистику, остаётся техника. Искусная, невиданная, но техника. Человек, который умеет делать так, что его творения кажутся призраками. Пули проходят сквозь них, потому что... потому что их там нет. Это не глиняные големы. Это оптические иллюзии. А настоящий убийца — где-то рядом.

— Ваше превосходительство, — сказал Фанберин, — вы не верите в сверхъестественное. Я это знаю. Иначе вы не держали бы на столе револьвер, а поставили бы свечи и икону. Значит, у вас есть объяснение. Какое?

Соболев усмехнулся — на этот раз без горечи, а с мрачным удовлетворением человека, который нашёл достойного собеседника.

— Объяснение? У меня есть догадка. Штауб был учеником знаменитого механика. Того самого, который строил андроидов для императрицы Елизаветы. Говорят, он создал куклу, которая могла ходить, говорить и даже петь. Императрица приказала уничтожить её, потому что испугалась. Штауб пошёл дальше. Он создал не куклу — он создал призрака. Машину, которая проецирует изображение. Но изображение — не главное. Главное — то, что убивает. А убивает не глина. Убивает человек. Живой, из плоти и крови. Который прячется за этим фантомом.

Фанберин кивнул. Теперь всё вставало на свои места. Обнорский бросился с моста не потому, что его толкнул призрак. А потому, что его довели до такого состояния, что он сам шагнул в воду. Веселовский умер от удушья — но его горло сжали не глиняные пальцы, а очень реальные человеческие руки. Просто в комнате было темно, и Фанберин не увидел убийцу.

— Список, — сказал он. — Кто ещё в списке, кроме вас?

Соболев назвал имена. Три офицера из восьмёрки — Шипов, Львов, Голицын — всё ещё были живы. И ещё двое, те самые, что исчезли в форте — капитан Кольцов и поручик Барановский. Они не числились в списке, потому что... потому что они не были жертвами. Они были орудиями.

— Я защищу вас, ваше превосходительство, — сказал Фанберин. — У меня есть человек, который будет дежурить у вашей двери. Но вы должны ответить на один вопрос. Где сейчас барон фон Штауб?

Соболев покачал головой.

— Если бы я знал, я бы сам пошёл к нему. С револьвером. Но я не знаю. Знаю только, что он в Петербурге. И что он не один. У него есть помощники. Те, кто не умер в Мраморнице. Те, кто стал глиной.

За окном потемнело. Не потому, что солнце зашло — оно и так не показывалось весь день, — а потому, что на город опустились тяжёлые, свинцовые тучи, какие бывают только в Петербурге и, наверное, в аду, если ад существует и если он решил открыть филиал на Неве.

Фанберин попрощался с генералом, оставил Масу в прихожей и вышел на улицу. Дождь начинался — мелкий, противный, тот самый, который в Петербурге называют «морось» и который проникает под одежду быстрее, чем пуля.

Он шёл по набережной Фонтанки, смотрел на мутную воду и думал. О бароне фон Штаубе. О восьмёрке офицеров. О глиняных фигурках, которые остывают так же быстро, как нагреваются. О том, что в этом городе, где каждый второй дом хранит чью-то тайну, а каждая третья смерть — не то, чем кажется, ему предстоит сделать самое трудное в жизни: не просто поймать убийцу, а понять, что движет человеком, который превращает мёртвых в призраков, а призраков — в орудия мести.

Он закурил. Табак «Жуков» горчил на языке, и это было приятно — хотя бы что-то оставалось неизменным.

— Барон фон Штауб, — произнёс он вслух. — Посмотрим, из какой вы глины.

Глава 4

Маса вернулся только под утро. Фанберин не спал — сидел в кресле с дневником Обнорского и делал пометки на полях. Почерк у него был мелкий, бисерный, такой, каким пишут люди, привыкшие экономить бумагу и время. К трём часам ночи он заполнил двадцать три страницы фактами, версиями и вопросами, на которые пока не было ответов.

— Господин, — сказал Маса, бесшумно появляясь в дверях. — Всё тихо. Генерал спит. Я проверил все окна и двери. Их семь. Три выходят во двор, две на набережную, одна в чёрную лестницу и одна заложена кирпичом. Никто не входил.

— А вы уверены, что никто не входил? — спросил Фанберин, не поднимая головы.

Маса задумался. Для японца задуматься перед ответом — признак уважения. Для русского — признак сомнения. Фанберин уже привык к этой разнице и даже начал находить в ней особую прелесть.

— Я не видел никого, — сказал наконец Маса. — Но я слышал. Три раза. Звук, как будто кто-то трёт пальцем по стеклу. Я выходил в коридор — никого. Потом звук повторился. Изнутри. Из кабинета генерала.

Фанберин отложил дневник.

— Изнутри?

— Да, господин. Я вошёл. Генерал спал. Револьвер лежал на столе. Но на стекле была буква. Большая буква «М». Написанная пальцем. Или чем-то другим. Пальцем, но не человеческим. Слишком толстым.

Фанберин встал так резко, что кресло откатилось к стене. Он не помнил, чтобы когда-нибудь вставал так резко. Даже в Туркестане, когда ночью на лагерь напали кокандцы, он поднимался медленно, с холодной головой. Сейчас голова была горячей. Слишком горячей.

— Буква «М»? — переспросил он. — Может быть, «Мраморница»? Или «Михаил» — имя генерала? Или... — Он замолчал, потому что в голову пришла третья, самая страшная мысль. — Или «Маса». Это вам послание.

Японец чуть заметно побледнел. Фанберин заметил это — он замечал всё, особенно то, что другие стараются скрыть.

— Господин, — тихо сказал Маса, — я не боюсь за себя. Я боюсь, что этот человек — если он человек — знает, где мы будем, прежде чем мы сами это узнаем.

— Значит, он нас опережает, — кивнул Фанберин. — Или у него есть доступ к полицейским донесениям. Или он сам служит в полиции. Или... — Он потёр переносицу, жест, который выдавал усталость. — Или он просто очень умен. Что почти одно и то же.

Он подошёл к окну. Рассвет был серым, как вчерашний вечер. Петербургские рассветы вообще не отличаются от вечеров — разве что направлением теней, да и то если присмотреться.

— Маса, — сказал Фанберин, — сегодня мы идём в одно место. На Невский проспект. В мастерскую восковых фигур. Говорят, там работал барон фон Штауб, прежде чем уехать в Болгарию. Может быть, там осталось что-то, что поможет нам понять, как он делает свои чудеса.

Мастерская называлась «Паноптикум» и находилась в подвале дома №46 по Невскому проспекту. Вывеска была старой, выцветшей, с изображением женщины без головы и мужчины с двумя торсами — вероятно, для привлечения публики. Фанберин спустился по крутой лестнице, пахнувшей плесенью и воском, и толкнул дверь.

Внутри было сумрачно. Горело несколько керосиновых ламп, но их свет тонул в густых тенях, которые отбрасывали восковые фигуры. Их было много — десятки, если не сотни. Императоры, генералы, актрисы, разбойники. Все они смотрели на Фанберина стеклянными

глазами, и в этом взгляде было что-то такое, от чего становилось не по себе. Воск — отвратительный материал. Он слишком похож на человеческую кожу. И слишком не похож одновременно.

— Вы по делу или поглазеть? — раздался голос из темноты.

Фанберин обернулся. Из-за фигуры Петра Великого (которая была почему-то в женском платье — то ли ошибка мастера, то ли чья-то злая шутка) вышла женщина. Лет тридцати, в чёрном платье, с рыжими волосами, собранными в тугую узел. Лицо её было красивым — той особенной, неброской красотой, которая становится заметной только через несколько минут общения, когда перестаёшь смотреть на черты и начинаешь видеть выражение. А выражение у неё было такое, будто она знает про вас всё и уже составила мнение, но не торопится его высказывать.

— Мне нужен хозяин, — сказал Фанберин.

— Хозяин умер, — ответила женщина. — Два года назад. От разрыва сердца. Я его дочь. Анна Львовна Штауб. А вы, насколько я понимаю, из полиции. По осанке видно. И по тому, что вы не смотрите на восковые фигуры, а осматриваете их. Это разные вещи.

Фанберин слегка поклонился — не так, как кланяются дамам, а так, как кланяются равным, с которыми предстоит долгий разговор.

— Коллежский асессор Фанберин. К сыскной полиции отношения не имею, но расследую одно дело, связанное с вашим отцом. Вернее, с его учеником. Бароном фон Штаубом.

Женщина замерла. Восковая фигура Наполеона за её спиной, казалось, тоже замерла, прислушиваясь.

— Барон мёртв, — сказала она после паузы. — Он умер в Болгарии, в семьдесят седьмом году. Я получила письмо от его денщика. Пуля в сердце. Похоронен на православном кладбище в Софии.

— Вы уверены? — спросил Фанберин.

Анна Львовна посмотрела на него долгим, изучающим взглядом. Потом повернулась и пошла в глубь мастерской, не оглядываясь.

— Идите за мной, — бросила она через плечо. — Я покажу вам кое-что. Только предупреждаю: вы можете испугаться. Не потому, что это страшно. А потому, что это слишком похоже на правду.

Они прошли через зал, потом через маленькую дверь, которую Фанберин сначала принял за стену, потом по узкому коридору с низким потолком — настолько низким, что Фанберин, при всём своём небогатырском росте, вынужден был пригнуться. В конце коридора была ещё одна дверь, железная, с массивным замком.

Анна Львовна достала ключ — большой, старинный, с резной ручкой — и открыла замок. Дверь со скрипом отворилась, и Фанберин увидел мастерскую. Не ту, что для публики, а настоящую — ту, где создавались восковые фигуры.

Здесь пахло воском, гипсом, масляными красками и чем-то ещё — сладковатым, приторным, как запах старых духов. На стеллажах стояли головы без тел, тела без голов, руки, ноги, торсы — все в разных стадиях готовности. Посреди комнаты на столе лежала почти законченная фигура мужчины в офицерском мундире. Фанберин узнал его. Это был Обнорский.

— Вы делаете посмертную маску? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Нет, — ответила Анна Львовна. — Я делаю его по заказу. Заказ пришёл три дня назад. Деньги были переведены из Швейцарии. Без обратного адреса. В письме было сказано: «Сделайте точную копию. До мельчайших подробностей. Я заплачу вдвое, если она будет выглядеть как живой».

Фанберин подошёл ближе. Фигура Обнорского была удивительно реалистичной — каждая морщинка, каждая ресница, даже родинка на левой щеке, которую Фанберин заметил ещё

на мосту. Если бы не восковая бледность, можно было подумать, что это сам Обнорский, заснувший на столе.

— Кто заказал? — спросил он.

— Я не знаю. Но я могу показать вам кое-что ещё. — Анна Львовна подошла к шкафу, открыла его и достала маленькую шкатулку из чёрного дерева. — Это отец хранил. Говорил, что это секрет барона. Я никогда не открывала. Но сегодня... сегодня мне приснился сон. Будто барон пришёл ко мне и сказал: «Отдай это Фанберину. Он единственный, кто поймёт».

Фанберин взял шкатулку. Она была тёплой. Как глиняные фигурки.

— Вы верите в сны, Анна Львовна?

Женщина усмехнулась — невесело, с той особенной горечью, которая бывает у людей, потерявших слишком много, чтобы верить во что-то, кроме фактов.

— Я верю в то, что мой отец не стал бы хранить эту шкатулку двадцать лет, если бы в ней не было чего-то важного. А что касается снов... может быть, это был не сон. Может быть, барон действительно приходил. Только не в мою комнату, а в мою память. Вы знаете, Фанберин, восковые фигуры хранят тепло. Если их трогать, они нагреваются. И иногда мне кажется, что они нагреваются сами. Что в них есть что-то живое. Может быть, это безумие. А может быть, я просто слишком долго работаю с мёртвыми.

Она посмотрела на фигуру Обнорского. И добавила тихо, почти шёпотом:

— Уходите. И заберите это. Я не хочу знать, что внутри. Я хочу забыть, что барон фон Штауб вообще существовал.

Фанберин взял шкатулку, поклонился и вышел. На лестнице он остановился, прижал шкатулку к уху и осторожно потряс. Внутри что-то шуршало — мягко, как шуршат сухие листья или... или рассыпающаяся глина.

Он открыл шкатулку.

Внутри лежали чертежи. Десятки чертежей, свёрнутых в трубочки и перевязанных шёлковыми ленточками. Фанберин развернул первый — и замер.

Это был чертёж механизма. Невероятно сложного, с шестерёнками, рычагами, поршнями и странными устройствами, которые он не мог идентифицировать. Но самое поразительное было не в механизме. Самое поразительное было в подписи внизу:

*«Секретный проект №7. „Голем“. Создатель — барон К. Р. фон Штауб. 1875 год. Назначение: дистанционное уничтожение объектов без физического контакта. Принцип действия: оптическая иллюзия + пневматическое оружие + акустическая проекция. Испытания признаны успешными. Рекомендовано к применению в особых условиях». *

Фанберин медленно выдохнул. Иллюзия. Пневматика. Акустика. Никакой магии. Только техника, опередившая своё время на десятилетия. Только гений, который сошёл с ума от собственного величия.

Он посмотрел на Невский проспект. Туман рассеивался, и в просвете между тучами показалось солнце — бледное, как воск, но всё-таки солнце.

— Штауб, — сказал Фанберин шкатулке, — вы живы. И вы в Петербурге. И вы убили двух человек. Но вы совершили ошибку. Вы оставили чертежи.

Он сунул шкатулку в карман и зашагал в сторону Адмиралтейства. Нужно было спешить. Генерал Соболев мог умереть в любую минуту. И если Штауб действительно умеет делать то, что написано в чертежах, то никакой Маса не спасёт генерала. Потому что пули проходят сквозь голема не потому, что он призрак, а потому, что его там нет. Он — всего лишь картинка. А настоящий убийца стреляет из пневматического ружья из окна соседнего дома.

— Значит, — пробормотал Фанберин, ускоряя шаг, — нужно искать не глиняного человека. Нужно искать того, кто нажимает на курок.

И он побежал.

Глава 5

Ночь на 23 июня 1882 года выдалась такой тёмной, что даже фонари на Фонтанке казались не источниками света, а маленькими окошками в преисподнюю. Фанберин сидел в кабине генерала Соболева, в кресле, которое предусмотрительно отодвинул от стола к стене, так чтобы видеть и дверь, и оба окна. На коленях у него лежал револьвер системы Смита-Вессона — тот самый, что генерал держал на столе. Соболев, кряхтя, устроился в соседней комнате с запасным «кольтом» и приказом: «Если услышите три коротких удара — стреляйте в потолок. Если услышите один длинный — стреляйте в дверь. Если услышите тишину — сидите и не высовывайтесь».

— Ваше превосходительство, — сказал Фанберин перед тем, как закрыть дверь, — вы уверены, что не хотите уехать? У меня есть знакомые в Москве. Вас могли бы спрятать.

Генерал посмотрел на него с таким выражением, будто Фанберин предложил ему надеть женское платье и танцевать канкан.

— Я русский генерал, коллежский асессор. Я не прячусь от врага. Даже если этот враг — глиняный покойник с пневматической пушкой. Идите. И не мешайте мне воевать.

Маса разместился в коридоре — в том самом месте, откуда было видно и чёрную лестницу, и парадную, и маленькое окошко, выходящее во двор. Он сидел неподвижно, скрестив ноги, положив меч на колени. В темноте его можно было принять за статую — если бы не едва заметное дыхание и запах рисовой водки, которым он время от времени смачивал губы, чтобы не уснуть.

Фанберин ждал.

Ждать он умел. Этому его научила война — не та, парадная, о которой пишут в газетах, а настоящая, когда сидишь в засаде по шестнадцать часов, в грязи по пояс, и единственное, что движется — это капли дождя по стволу винтовки. Он научился отключать мысли, превращаться в наблюдательный пункт, фиксирующий каждый шорох, каждое движение тени. Но сегодня мысли не отключались. Сегодня они жужжали, как рой пчёл, и каждая пчела была вопросом.

Почему Обнорский послал письмо именно ему? Почему не в полицию, не к военному прокурору, не к генерал-губернатору? Фанберин был всего лишь коллежским асессором, не имевшим официального права вести расследование. Да, он служил при генерал-губернаторе Москвы, но в Петербурге его полномочия были равны нулю. И всё же Обнорский выбрал его. Знал ли он что-то, чего не знали другие? Или просто перебрал в голове все фамилии и остановился на той, которая казалась самой подходящей? Самой безнадёжной?

— Господин, — раздался шёпот Масы из коридора. — Я слышу шаги. Со стороны чёрной лестницы.

Фанберин замер. Сердце стукнуло раз, другой, третий — и успокоилось, перешло на ровный, экономный ритм охотника, который взял след.

— Сколько человек? — шёпотом спросил он.

— Один. Но шаги странные. Слишком тяжёлые для одного человека. И слишком лёгкие для двух.

Фанберин не понял, что это значит, но переспрашивать не стал. Он вскинул револьвер, направив его в сторону двери. Генерал Смит-Вессон — хорошая машина, надёжная. Шесть пуль. Прицел — до двадцати шагов. Дальше — только если Бог поможет.

Шаги приближались. Медленно, как будто человек (или не человек) на каждом шагу останавливался, прислушивался, снова шёл. Фанберин насчитал двенадцать шагов, потом тринадцатый — и шаги замолкли.

Тишина была такой плотной, что её можно было резать ножом.

— Маса? — позвал Фанберин.

Никто не ответил.

— Маса! — громче.

Молчание.

Фанберин вскочил с кресла. Первым побуждением было броситься в коридор, но он подавил его. Если Маса замолчал — значит, либо он мёртв, либо он молчит намеренно. И то и другое плохо. Но в первом случае Фанберин уже ничем не поможет, а во втором — своим появлением может всё испортить.

Он прижался спиной к стене и медленно, стараясь не скрипеть подошвами, двинулся к двери. Револьвер смотрел прямо в замочную скважину — маленькую, тёмную, похожую на зрачок.

И вдруг дверь распахнулась сама.

Не от удара, не от сквозняка — просто открылась, как по волшебству. Фанберин успел увидеть пустой коридор, кресло, в котором сидел Маса (пустое), и чёрную тень, скользнувшую по стене — но тень была не от человека. Она была от чего-то большего, неправильного, с неестественно длинными руками и головой, свёрнутой набок.

— Выходи, — раздался голос. Голос был нечеловеческим — слишком низким, слишком ровным, как будто говорила машина. — Я знаю, что ты там. Я чувствую твой страх. Он пахнет железом и потом. Как все страхи.

Фанберин не ответил. Он ждал. Если голем — иллюзия, то настоящий убийца должен быть где-то рядом. В соседней комнате? На чердаке? На улице, наводя оптический прибор в окно?

— Ты думаешь, что я — обман, — продолжал голос. — Ты прав. Но ты не понимаешь главного. Даже обман может убить. Если в него верить.

Из коридора донёсся звук — не то свист, не то шипение, как будто кто-то открыл клапан паровой машины. И в то же мгновение стекло в левом окне разлетелось вдребезги, и что-то тяжёлое, тупое ударило в стену над головой Фанберина.

Он пригнулся, откатился в сторону и вскочил на ноги уже у противоположной стены. В проломе окна он успел заметить вспышку — не огня, а света, холодного, голубоватого, как от электрической дуги. И в этом свете — фигуру. Человеческую фигуру, стоящую на крыше соседнего дома. Фигура держала в руках что-то длинное, блестящее — трубу, похожую на подзорную трубу, но толще, с раструбом на конце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.